

Свиная рапсодия под одесским небом

Из обобщенного ретроскопического опыта

"Свинья грязи найдет..."
Бытовая поговорка

"В отделе кадров — суета
Приобрели в мешке кота,
И ждут, чтоб котик замыкал.
Ждут день, другой, — а он захрюкал!"
И. Зелинский. Через всю жизнь. 2000 г.

Сегодня, когда Украина вступила во второе десятилетие самостоятельного существования (что, увы, не у всех вызывает положительные эмоции), одесситам старшего поколения, в частности, участникам боевых действий Второй мировой, все чаще вспоминается прошлое своего родного города, преимущественно отдельные запомнившиеся детали его до- и послевоенного бытия, когда, по словам еще не забытой песни, "и молодые мы были, и искренно любили, и верили в себя".

Иногда вспоминается не хорошее и не плохое, а черт знает что, особенно если оно оказывается хоть чем-то созвучным современности (возрастная специфика — более яркая память о делах давно минувших дней) или, наоборот, вызывает эмоции "от обратного". Не пытаясь, на правах ветерана ВОВ нудно поучать нынешнее поколение сограждан, автор, тем не менее, склонен поделиться с ним отдельными аспектами накопленных за три четверти века "ума холодных наблюдений и сердца горестных замет", в том числе и на эпатазирующую среднего обывателя "свиную" тему.

Почему эпатазирующую? Да потому, что со времен праотца Ноя (или его шумеро-аккадского аналога с труднопроизносимым клинописным именем Утнапиштим) с его пресловутыми семью парами чистых и семью — нечистых животных, спасенных от всемирного потопа, свинья относится к категории последних, вызывая к себе у многих народов, чьи религии сформировались в свое время на Ближнем Востоке, незаслуженно дискриминационное, чтобы не сказать хуже, отношение. Отголоски подобного пренебрежения приобретают иногда довольно неожиданные

формы и, например, даже в "Книге о вкусной и здоровой пище", в 50-ые годы одобренной Институтом питания Академии медицинских наук и издававшейся многосоттысячными тиражами, среди более чем 1300 наименований блюд, полуфабрикатов, консервов, рекомендованных к употреблению, свинина и поросятина упоминаются считанные разы, а сала (или шпига) в предметном указателе нет вовсе.

Почтовая открытка 1900-х годов.

В подобной ситуации стоит вступить за честь этого всеядного парнокопытного, пусть и не избалованного вниманием мемуаристов, но по достоинству оцененного изящной словесностью в лице драматурга Д. Фонвизина, баснописца И. Крылова, сатирика О. Вишни, прозаиков А. Марлинского-Бестужева, Н. Гоголя, А. Чехова, М. Булгакова, композитора И. Кальмана, кинорежиссера И. Пыррева и многих других, пусть в эпизодах, но "обыгрывавших" свиную тему (вызывавшую улыбку на устах читателей) в своих произведениях, даже если это была выходная ария "господина всех свиней из Дебрецена" Зупана. Искусство искусством, но, не "подкладывая свиней" прошлому, здесь стоит критически оценить и некоторые дошедшие до наших дней ехидно-оскорбительные для национального самосознания народов Украины афоризмы и клички типа "Був би царем, — сало з салом їв би, та на солomé спав би" (к оценке мало-

российского менталитета). "Если уж жрать свинину, так чтоб сало по подбородку стекало" (у части жителей бывшей "черты оседлости", преступивших закон Моисея), "руссише швайне" (расистское определение, от которого к концу войны, когда запахло жареным, даже ортодоксальные гитлеровцы стали отказываться) и т.д., и т.п. Современное отношение к подобным "перлам", сочиненным в свое время черносотенцами, идеологами и организаторами холокостов, голодоморов, кровавых мировых боен или другими отбросами истории, не может не быть однозначно отрицательным, без снисхождения к тем, кто этого не понимает или не прочь поглумиться над самим собой: уничтожение, как известно, "паче гордыни". Подобные шуточки в адрес "сиволапых свиноедов" недостойны народа, законно претендующего на членство в современном цивилизованном обществе, тем более, что исторически свинья с ее салом всегда была достаточно популярна в нашем регионе. Это подтверждается многочисленными находками костей сначала диких свиней в культурных слоях палеолитических стоянок человека, а позднее уже и одомашненных, — в памятниках эпохи мезо(?)- и неолита, энеолита, бронзы и железа, вплоть до времен Киевской Руси (извлеченный из вод Днепра ствол мореного дуба с "набитыми" на него нижними челюстями нескольких вепрей, — охотничьи трофеи наших далеких предков) и нынешних дней.

Уже с античности свинья воспевается в скульптуре, например, в огромной мраморной туше (правда, с отбитыми еще в древности ртом и конечностями), экспонируемой в Одесском археологическом музее наряду с другими материалами из древнегреческих поселений Северного Причерноморья. Какой-либо надписи на этом произведении искусства не сохранилось, поэтому неясно, мифологический ли это образ каледонского вепря или кроманьонской свиньи, а может быть копия того реально существовавшего кабана, которого, согласно прорицанию Дельфийского оракула, древнегреческие воины должны были заповлевать и принести в жертву перед решающим сражением с вторгшимися в Малую Азию ордами лидийцев и лелегов. После одержанной победы скульптурное изображение этого кабана было водружено на стадионе Милета, а ряд северопонтийских полисов был основан в наших краях именно выходцами из Милета. Если обратиться к другим регионам Европы, то и там отдавали свинье должное, вроде памятника средневековой хавронье, некогда "отрывшей" (в буквальном смысле этого слова) близ северогерманского города Лонебурга месторождение каменной соли (свиньи, как и многие травоядные, неравнодушны к этому минералу). Благодарные бургерши, не-

медленно начавшие разработку этого подземного богатства с последующей торговлей им (что сразу же повысило благосостояние города), воздвигли на площади перед городской ратушей памятник своей благодетельнице. Уже в XX-м веке жители второго по размерам датского города Орхус, через порт которого вывозится почти 100% производимых в стране на экспорт молочно-мясных продуктов, тоже поставили памятник теперь целому свиному выводу. На главной площади Орхуса, на каменном постаменте вальжно разлеглась скульптура огромной свиньи белой датской породы, как бы блаженствующей в прохладе десятка фонтанных струй, а вокруг нее располагаются в различных позах жизнерадостные поросята. Наконец, в одном из художественных музеев столицы Латвии Риги красуется с явной симпатией изваянная молодая задорная свинка, доказывая, что и латыши отдают должное этим животным.

По-видимому, уже упущено время для исследования детского городского фольклора Одессы 20-х годов (хотя наши земляки И. Ильф и Е. Петров не постеснялись вложить в уста слюнявого идиота из "Золотого теленка" дошкольную считалку — "Эне, бене, ряба, интер, квинтер, жаба!"), но до сих пор помню дразнилку, которую хором распевали мои одноклассники со Слободки в довоенной (позднее взорванной) школе № 5 при сообщении об очередных профилактических прививках, — "Доктор едет на свинье с балалайкой на спине" (?!). Одесситы среднего возраста, вероятно, еще помнят раздававшиеся после войны на Новом базаре радостные вопли обиженного Богом общегородского дурачка, — "Петька режет кабана, Васька задается!". А с другой стороны, такой необъяснимый парадокс человеческой природы. Заслуженный работник МВД, свыше 20-ти лет приводивший в российских тюрьмах в исполнение приговоры о высшем наказании, и только после их отмены вышедший на пенсию, признается, что при профессиональном хладнокровии не может зарезать курицу или заколоть кабанчика, — поручает это, вызывая шуточки в свой адрес, своему сыну (Аргументы и факты в Украине, 2002, № 5, с. 9). Кое-кто из седых одесских ветеранов на не слишком жирной пенсии ностальгически вспоминает американскую лендлизовскую свиную тушенку военных лет ("...В которой сала было больше, чем мяса!"), хотя эта окопная правда не находит отклика в сердцах юной поросли, страстно заботящейся о стройности своих фигур (Одесский вестник, 27.06.2002, № 120, с. 6).

В 30-е годы, когда страна испытывала затруднения с кожсырьем, шкуры забитых свиней подлежали сдаче на кожевенные заводы: после мездрения, дубления, крашения и других операций подобное сырье использо-

валось в различных отраслях промышленного производства, от обувного до галантерейного: во всяком случае, у автора и сейчас хранится прошедшие с ним всю войну футлярные "корочки" для партбилета из такого материала. До середины XX-го века для отдельных нужд использовалась и свиная щетина, в наше время почти окончательно вытесненная из употребления набором искусственных волокон, производимых химической промышленностью. Показательно, что в прошлом офтальмологи дореволюционной выучки для лиц с ослабевающим зрением на полном серьезе рекомендовали вводить в рацион небольшое количество свиного сала.

Сейчас сало не проблема, им, как и всеми видами продуктов из свинины, пусть и в ценах, пока, увы, недоступных наименее обеспеченным слоям населения, завалены продмагазины, торговые центры и базары Одессы, снимая с повестки дня сакраментальное, почти по Шекспиру "Есть или не есть? Вот в чем вопрос!". Симптоматично и то, что один из столпов телешоу "Золотой гусь" Валерий Чигляев везет в Париж(!) в качестве подарка великолепной Марине Влади (по слухам, дальней родственнице его жены), не букет роз, не набор популярных на Западе гуцульских сувениров, а шматок заботливо приобретенного на Киевской "Бессарабке" (которой, кстати, исполняется 90 лет) украинского сала (Бульвар, 2002, № 26, с. 2). Правда, при этом остается неясным, чем конкретно обусловлен выбор столь экзотического презента, то ли напоминанием о новогодней украинской "щедривке" (где есть слова "а ще мало, дайте сала"), то ли последними исследованиями диетологов. Согласно мнению специалистов, свиное сало (которое, кстати, в отличие от мяса, никогда не поражается трихиноллезом), оказывается, вопреки предубеждению некоторых, полезным и здоровым и больным людям, поскольку его биологическая активность в пять раз выше, чем у масла: в свежем, соленом, отчасти даже жареном виде оно содержит так называемую арахидоновую кислоту, которая является одной из незаменимых жирных кислот, участвующих в строительстве клеток организма (Сегодня, 03.04.2002, № 73, с. 10). Интернациональное признание свиных достоинств сохраняется и за океаном. Выпускнику одесской гимназии № 2 Богдану Лупандину в порядке обмена учащимися между США и Украиной в экспериментальном порядке было предложено 9 месяцев обучаться в американской школе, проживая в калифорнийской семье. Поскольку в хозяйстве его приемных родителей сразу же после его приезда родился поросенок, глава дома предложил взять на откорм это животное с кличкой "мой университет" (имелось в виду, что вырученные от продажи деньги Богдан потратит на дальней-

шее образование). Городской мальчик, который, по словам его оставшейся в Одессе мамы, до этого свиней видел только в зоопарке, теперь в промежутках между учебой насыпал поросенку сухой корм, выводил его на прогулку (чтобы тот не был слишком жирным) и чистил загон: это звучало дико для его одесских одноклассников, но соответствовало американским традициям, где все должны "быть при деле" (Одесский вестник, 19.06.2002, № 115, с. 5). Более того, когда животное выросло, Богдану, чтоб его продать, пришлось заблаговременно подать заявку на участие в сельскохозяйственной ярмарке, пройдя, таким образом, практический курс и по свиному мини-маркетингу.

Воспевая сало, следует иметь в виду, что в его употреблении, как и многого другого, следует знать меру, тем более, что Ю. Гейко из "КСМ Правды в Украине" (4.06.2002, с. 9), ссылаясь на обобщенный американо-российский дорожно-пищевой опыт, ставит сало в первом ряду кушаний, не рекомендуемых к употреблению водителям автомашин, привыкшим питаться "на ходу", без хотя бы краткосрочной остановки, что чревато аварийными ситуациями.

В общем, на этом увертюру к свиной теме можно закончить, но чтобы сделать более наглядной ее воздействие на индивидуальные судьбы конкретных личностей, сошлемся на собственный опыт, пусть он и относится к событиям в основном прошлого, XX-го века, иногда прямо, иногда косвенно, но касающимся Одессы и пишущего эти строки (информация для размышления).

Эпизод первый. В конце 20-х годов я вместе с мамой часть лета проводил в гостях у ее гимназической подруги на разрушенной в период ВОВ "Даче Базилевичей", что на Среднем Фонтане. Купаться (я уже умел плавать) меня отпускали одного на пляже под "Санаторием политкаторжан" (был и такой на 11-й станции Фонтана, пока И.В. Джугашвили, настроженно относившийся не только к дореволюционным соратникам, но и ссыльнопоселенцам, не прикрыл и санаторий, и содержавшую его ассоциацию). В те годы на оползневых террасах Одесского побережья (участки суши между морем и береговыми обрывами) кое-где еще ютились единичные домики местных жителей и небольшие усадьбы (позднее снесенные с лица земли за счет не столько деляписивных геологических процессов, сколько распоряжением оккупационных властей: румынское командование небезосновательно опасалось высадки если не десанта, то небольших диверсионно-разведывательных групп со стороны моря, особенно в районе описываемых домишек). Первый же мой вояж на пляж

рядом с подобной усадьбой обнаружил на нем, помимо жителей, трех довольно крупных жизнерадостных "підсвинків". Хотя пишущий эти воспоминания вырос в украинской семье, где свинина на столе не была чем-то запретным, для него, практически почти незнакомого с деревенским бытом, свинья ассоциировалась если не обязательно с грязным (см. эпиграф!) чем-то, то все равно нехорошим (в соответствии с постулатами В.В. Маяковского, на весь Союз провозглашавшего, — "вырастет из сына свин, если сын — свинок").

Однако, к моему неподдельному изумлению, упомянутая троица, и так отнюдь не покрытая коростой засохшей грязи, в полдень (когда окрестности буквально "плавилась" от жары), лихо сбежала к морю, тем более, что наката в тот день не было и, зайдя по холку "в пучину вод морских", рядышком устроилась в воде, с удовольствием похрюкивая и даже закрывая глазки от наслаждения, по чистоте розовых телес не уступая тут же неподалеку так же попеременно то жарившихся на солнцепеке, то полоскавшихся на мелководье дачников и дачниц.

Такая идиллия наблюдалась и в последующие дни, из воды троица дружно выскакивала только после очередного призыва хозяйки на кормление (в полтавском варианте обращения, — "Пацю-пацю-пацю!"), и, самое главное, никогда не оправляя своих естественных надобностей в зоне пляжа, иллюстрируя, кстати, хорошо известную свиноводам инстинктивную чистоплотность.

Вот и мирись после этого с незаслуженным эпитетом "грязной" свиньи! Между прочим, буйволы тоже обожают болотные ванны, но грязными их почему-то не окрестили. А вот на свиную братию, как выяснилось, горожане явно незаслуженно наговаривают. Во всяком случае, это впервые стало ясно ребенку еще тогда, хотя окончательно оказалось понятным позднее: многое зависит от условий бытия, и если свинья лезет нередко в грязную лужу, то это обусловлено или отсутствием более чистых водоемов, в которых можно было бы пересидеть полдненный жар, или желанием избавиться от кожных паразитов, а то и подлечить суставы, совсем как курортники на Куяльницком лимане, с пользой для души и тела прибегающие к грязевым ваннам.

Правда, не знаю, пахло ли в конечном счете мясо среднефонтанских поросят морем (лежа в воде, они изредка что-то из нее вылавливали и жевали, то ли водоросли, то ли крабов или креветок, то ли какую-то рыбешку, которых в прибрежных водах, не то, что теперь, хватало), но это уже другой разговор: в крупных свиноводческих фермах, где во второй поло-

вине XX-го века при подкармливании животных использовалась костная мука рыбопромыслового происхождения, мясо забитых животных действительно, иногда обнаруживало нестандартные запахи.

Эпизод второй. Когда 1 января 1935 г. отменили карточки на хлеб (не могу забыть, как осчастливленные одесситы, не веря свалившемуся на них после памятного голодомора счастью, носились из булочной в булочную, чтобы на всякий случай приобрести и вторую, и третью вожделенную буханку: более одной в магазине на руки не давали!). Однако с жирами и мясом в городе еще долго была напряженка, которую каждая семья решала по-своему. Покойный мой дедушка, "смотритель двора" дома по ул. Подбельского, как в те годы именовалась исполняемая им должность, приобрел у знакомого немца-колонииста из с. Нейково, что у ст. Рауховка (на ведущей к Николаеву железнодорожной ветке), холощеного боровка с целью его домашнего дорастивания как перспективного источника мяса и сала, необходимых в рационе.

Надо упомянуть, что хотя П.Ф. Лисовенко всю свою сознательную жизнь, кроме детства, провел в городской среде, он до самой смерти продолжал возиться с различной сельскохозяйственной живностью. У нас на втором, так называемом "черном" дворе попеременно содержались им то голуби, то кролики, два сезона — шkodливая коза Ирка с козлятами, а после войны, как источник молока, даже корова, которую автор этих строк уже в зрелом возрасте однажды перегонял с летнего пастбища у с. Шомполы в Одессу.

Однако с кабанчиком дело обстояло намного сложнее: его появление в центре города, в фешенебельном четырехэтажном доме (в годы оккупации облюбованном тогдашними властями), могло вызвать законные протесты многих предубежденных жильцов с обвинением в антисанитарии, и поэтому решено было скрыть кабанчика с людских глаз в обширном подэтажном подвале с полуокнами на улицу, что обеспечивало кое-какое освещение и, главное, приток свежего воздуха для подземного узника. В южной части подвала дедушка соорудил нечто вроде квадратного боксерского настила с ограждением из теса, где "підсвинок" устроился с необходимыми ему удобствами: в одном углу спал сам, во втором, где стояло корыто, питался, в третьем пил воду из жбана, а четвертый использовал в качестве отхожего места, навоз которого дедом регулярно убирался, чтобы даже легкий запах не проникал на улицу. Комфортность обстановки сомнений не вызывала, намного превышая ту, которой пользовался также тайно содержавшийся баран в соседнем доме: хозяйка вынужде-

на была круглосуточно держать его в комод с фальшивыми дверцами, и только по ночам, когда все соседи почивали, выводить свое сокровище на балкон подышать свежим воздухом.

Проблема кормления нашего кабанчика разрешалась предельно просто за счет использования овощных очистков и послеобеденных помоев из расположенной тогда на Соборной площади ближайшей общепитовской столовой (поскольку ее руководству была обещана часть ожидаемого свиного мяса и сала). Значительно сложнее решался вопрос о заклании кабана по достижению им проектного веса. Приглашать профессионального резника со стороны не позволяли строго соблюдавшиеся нормы задействованной конспирации, и поэтому под Рождество, как водится (бытовых электрохолодильников тогда еще не было и в помине, почему забой находившегося в личном пользовании скота осуществлялся, как правило, в холодную пору года), решено было обходиться собственными силами, — дедушки, как главного тореадора, и бабушки с внуком в амплуа если не пикадоров, то загонщиков.

За день до операции ограждение "ринга" в подвале было разобрано, дед заточил завалившийся у него обломок штыка от французской винтовки эпохи пребывания в Одессе десанта войск Антанты, нам с бабушкой выданы соответствующие инструкции ("хватать и валить на правый бок"), и мы с мрачными физиономиями наемных "браво" спустились в подземелье. Однако намеченное мероприятие оказалось не таким простым. Кабан, которого накануне сознательно не покормили, встретил нас настороженно, а когда мы попытались разыграть предложенный дедом сценарий, проявил такую прыть и боевые качества, что мы только ахнули. Оказалось, что не только "завалить", но даже просто ухватиться за семидесятикилограммового борова, к тому же отнюдь не стоящего на месте, было почти невозможно. Животное легко выскальзывало из наших неопытных рук, а когда мы все-таки вцепились ему в уши (ту часть тела, за которую еще можно было как-то ухватиться), оно поддало рылом сначала внуку, отбросив его метра на три от себя, затем — бабушке, зигзагом обошло деда и после этих подвигов заняло вызывающую, недвусмысленную позицию (мол, только суньтесь!) в "столовом" углу настила. Наша "особая тройка", тяжело дыша, распределилась между остальными углами ринга, набираясь сил перед второй атакой. Однако, результат оказался тот же (правда, с перестановкой диспозиции загонщики и дед поменялись углами), и только на четвертом или пятом заходе, после которых мы остались в лохмотьях, общими усилиями супостата удалось "замочить", —

зрелище не для слабонервных, особенно если один из них — школьник. Тем более, что дед, отнюдь не профессиональный резник, страшно волновался, вместо одного вынужден был нанести три удара, нас забрызгало кровью, которая била фонтаном (хотя ее полагалось собирать в заранее подготовленную посудину для последующей утилизации), но "ноблесс оближ", как выражаются французы, и всему, как хорошему, так и плохому, рано или поздно приходит конец. А спустя год, уже с другим боровком, возвращенном на общепитовских обедах, аналогичную операцию удастся повернуть более цивилизованно, а пишущий эти строки окончательно перестает бояться вида и запаха крови.

В общем, нет худа без добра, и когда в начале Второй мировой, уже под стенами окруженного Ленинграда, осколки случайного (предназначенного не нам, а поднявшемуся на тресе аэростату, в корзине которого два корректировщика ведут наблюдение за немецким передним краем) снаряда укладывают на землю сразу четверых моих товарищей — морских артиллеристов (а военфельдшера, как почти всегда в аналогичных случаях, не оказывается на месте), я с неожиданной для самого себя быстротой, без неуместных эмоций (хотя кровь из полуоторванных ног старика-запасного бьет ключом), накладываю пострадавшим жгуты и повязки перед тем, как отвезти их на случайно подвернувшейся полutorке в госпиталь. Реакция присутствующих при этом молодых краснофлотцев, призванных сельскими военкоматами, адекватна моей, а три-четыре горожанина при описанной картине бледнеют, — шок не шок, но к виду крови они явно не готовы, хотя уже в ближайшем будущем им, возможно, предстоит участвовать в куда более масштабном кровопролитии. При отражении сентябрьского штурма Питера дивизиями фон Лееба батарея расстреляла значительную часть боеприпасов, и теперь личный состав готовят на пополнение лыжного батальона одной из бригад морской пехоты, прикрывающей город: отработка самоокапывания, марш-броски на лыжах или пешим порядком по колено в снегу, изучение приемов введенного перед самой войной так называемого "чемпионского" рукопашного боя. Правда, последний предполагает использование самозарядных винтовок системы Токарева с ножевидным штыком; тогда как мы располагаем только трехлинейками Мосина с четырехгранным, лишь колющим, но не рубящим, лезвием штыка, что же касается более современных видов оружия, то автоматы ППД имеются пока только у командира, комиссара и начальника штаба нашей 11-й отдельной железнодорожной артиллерийской батареи КБФ со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Эпизод третий: имел место еще до войны, но косвенно сыграл свою роль в научном становлении автора воспоминаний, позднее взвалившего на себя нелегкое бремя археологической петрографии. В довоенные годы наша семья имела обыкновение один из летних месяцев проводить в с. Печара на Винничине. В нем охотно коротали отпускное время горожане различной национальности из Одессы и Ленинграда, к услугам которых были хорошие пути сообщения (даже шоссе с высаженными вдоль его обочин еще екатерининскими, по поверью, липами), Южный Буг с уютными купальнями на порожистых перекатах долины, где тогда и рыба водилась, парк, заложенный еще в XVII в. Господарем Дукой, а затем подновлявшийся посадками новых владельцев поселения, сначала Суйковских, а позднее Потоцких (оставивших на память потомкам величественный мавзолей, тогда как здание графского дворца погибло еще в гражданскую войну), небольшие окрестные байрачные лески с "губами" (как именовали аборигены грибы), даже неплохая библиотека при местной лечебнице, но, главное, недорогой базар.

Мы с бабушкой (папа и мама бывали только редкими наездами на пару-другую дней) снимали комнату с кое-какой мебелью в чистенькой хатке под соломенной стрихой старушки Кулибабчук, хозяйство которой состоит из нескольких грядок, собаки, петуха с пятью курицами, козы и черной как смоль (!) свинки с ярко выраженной страстью к путешествиям, совсем как у той проказливой графини, которую в составе остального титулованного свиного стада пришлось эскортировать главному действующему лицу занимательной фантазии Марка Твена "Янки при дворе короля Артура". Непослушное животное почему-то особенно любило посещать изрезанный оплывшими рвами пустырь городища за местной трехчастной деревянной церковью Рождества Богородицы, и если там надолго задерживалось, то хозяйка просила меня "завернуть" беглянку. Вооружившись хворостиной, я добросовестно выполнял поручение, но через несколько дней все повторялось сначала. Конечно, если бы кулибабчукская усадьба ограждалась тыном (но такового не было), можно было бы испробовать практику, в 20-е годы применявшуюся жителями лыжного курорта Красное Село на Северном Кавказе, которую наблюдал лично: там тоже черные, какие-то полудикие свиньи самостоятельно уходили из хозяйств кормиться в лес, но, чтобы на обратном пути их не тянуло на обнесенные плетеными заборами огороды горцев (для чего достаточно было просто щели в ограждении), последние монтировали у свиней на шее нечто среднее между деревянными ярмом и рогаткой. Подобное уст-

ройство не мешало животному пастись, но исключало попытки пролезания куда бы то ни было. А в Закарпатье в конце 40-х годов, чтобы спасти огороды от потравы дикими свиньями, заборчики украшались пустыми жестяными коробками из-под консервов (прямо как проволочные заграждения эпохи Второй мировой войны на стабильных участках фронта), а если это не помогало, то крестьяне жгли костры во время ночных дежурств и отпугивали лесных агрессоров громкими шумовыми эффектами, — иначе можно было остаться на зиму без "крупли", как именовали тогда аборигены картошку.

Что касается печарской свинки, то в конце концов я решил выяснить, что же конкретно влечет ее на одно и то же место. Оказалось, что она просто роется, вероятно, из любви к искусству, в разных точках описываемой площади, в том числе на участке с почвой нестандартного пепельно-серого цвета и черепками лепных, явно не современных горшков, украшенных вдавленным (иногда с заполнением белой пастой) орнаментом. Это было уже что-то явно археологическое из категории описанных Е. Сецинским памятников прошлого Подолии, и с этого момента автор воспоминаний стал периодически навещать ее со свиньей или без оной на городище. Осторожно разбирая культурный слой этого так называемого зольника, он обнаружил в нем, помимо обломков так называемой кухонной и столовой посуды, фрагменты глиняных человеческих фигурок, полную экспрессии небольшую скульптурку дикого быка — тура, кремневые и каменные орудия (скребки, ножевидные пластинки, один наконец-то стрелы треугольных очертаний, тесло-топор, кремневый нуклеус и многое другое), которые крепились мной затем на больших листах толстого картона (поскольку ясно было, что поросытина вывела восьмиклассника на остатки поселения трипольской культуры).

После моего отъезда на учебу в Ленинградский горный отец передал всю печарскую коллекцию в Одесский археологический музей, памятник докапывала уже после войны Е.К. Черныш, а автор сумел подтвердить свой приоритет в его открытии только спустя 60 лет в примечании к статье "О белых инкрустационных пастах керамики трипольских и некоторых других памятников территории Украины и сопредельных стран", опубликованной в квартальнике "Стратум плюс" — латиницей, № 2 за 2000 год.

Эпизод четвертый. В конце 40-х пишущий эти строки вместе с группой одесских членов Всесоюзного географического общества был приглашен посетить плавбазу китобойной флотилии (предшественницы "Ан-

тарктики") перед ее первым, под советским флагом, выходом на промысел в океан. За плечами были война, шесть лет службы на Краснознаменном Балтийском флоте и многое другое, и меня поразили не огромные размеры судна, не специальный слип для затаскивания загарпуненных китов на палубу перед их разделкой, не изысканный набор зарубежных горячительных напитков в баре капитанской каюты, продемонстрированный радушным хозяином, а небольшое стадо (!) свиней, сиротливо жавшихся на небольшом огороженном участке верхней палубы "славы". Сомневаться в ожидающей их участи не приходилось: в предстоящем походе китобойцам требовалось свежее мясо, приобретать которое в чужеземных портах было бы накладно для нашей послевоенной экономики.

Так что предстоит им отправиться "за три моря" без паспортов, виз или требуемых в наше уже время сертификатов, и разве только наиболее удачливые из них, которых съедят в последнюю очередь, доплывут даже до мест обитания так называемых "морских свиней", как неофициально именуется моряками одна из разновидностей зубатых морских млекопитающих из отряда дельфинов. По старой памяти мне становится почти жалко этих грязных, неухоженных, да и не очень крупных парнокопытных, тоскливо вглядывающихся в акваторию порта и вроде бы даже приносивающихся к ней, безразлично косясь на суетящихся рядом с ними моряков палубной команды, готовящихся отдавать швартовы. Не то чтобы спешить в ряды Общества защиты животных (да о нем в первые послевоенные десятилетия в Одессе и слухом не было слышать!), но вдруг всплывает в памяти, огрубевшей за годы войны и ленинградской блокады, назойливое "блажен муж, иже и скоты милует". Только во всяких ли ситуациях? Вспоминается, раз уж мы на борту, мрачная история с корабельным боровом одного из погибших в цусимском бою русских броненосцев, топившим также оказавшихся за бортом матросов, сюжет для современного фильма ужасов, поведенный А. Новиковым-Прибоем. Конечно, происходит описанная трагедия где-то в виду суши, обезумевшее животное, повинувшись инстинкту, возможно, поплыло бы в ее сторону (свиньи благодаря нарощемому сальному слою не тонут в воде), как переплывший Финский залив гигантский лось из рассказа В. Бианки "Одинец", тем более, что его дикие родичи и сегодня населяют тайгу к востоку от Японского моря. Автору, два сезона проводившему геологическую съемку в Приморье, правда, несколько севернее Цусимского пролива, следы пребывания диких свиней в лимонниково-актинидиевых кедрачах Сихотэ-Алиня попадались неоднократно, благо число их основных биологических вра-

гов — дальневосточных тигров — усилиями местных тигрологов, выполняющих заказы крупнейших отечественных и зарубежных зоопарков, прогрессивно уменьшается. Впрочем, кабаны держатся осторожно, избегая контактов с человеком, а тем более охотником, который в качестве компенсации придумал фантастическую байку, учитывающую реальную способность свиней в случае опасности идти сквозь кусты и небольшие ветки поваленных тайфуном деревьев напролом, особенно вдоль традиционных троп, ведущих к источникам пресной воды и местам кормления (например, на участках произрастания манчжурского ореха, плоды которого по форме и размерам неотличимы от грецкого). Цитируемая байка рекомендует в таких местах, где свиньи, несмотря на отдельные торчащие сучья, перепрыгивают через стволы упавших поперек тропы деревьев, забить в древесину охотничий нож лезвием кверху, а потом только подбирать здесь туши самовыпотрошившихся кабанов.

Эпизод пятый. "Федоровичу! Так чи не підете зі мною сьогодні на Гданцівку?" — спрашивает меня воскресным утром сосед по дому в Дзержинском микрорайоне Кривого Рога, в местном горнорудном институте которого я уже четвертый год после окончания аспирантуры в Ленинградском горном преподаю студентам дисциплины геологического цикла. Заговоривший со мной — "западенец", он сравнительно недавно "шахтарит", но у него огромная семья, одних детишек человек семь, прокормить которых при одном работающем, пусть и на руднике, — проблема. Ко мне он относится уважительно, коль скоро я, даром что ассистент, "кирку не гну" и общаюсь "рідною мовою" (что у мужской части вторично русскоязычно-суржикового населения Кривого Рога считается признаком отживающего провинциализма), и он иногда рассказывает мне о своих проблемах в поисках если не помощи, то просто понимания. Вот и сейчас он задумал приобрести свинью как источник более дешевых, по сравнению с базарными, мяса и сала, но не на главном рынке города, а в пригороде последнего, за рекой, где ему кто-то посулил "підсвинка" по более низкой цене. Я ему нужен для моральной поддержки (коль скоро он собирается торговаться) и помощи при последующей транспортировке приобретаемого сокровища: на трамвай мы рассчитывать не можем, (Гданцевка километров за пять от нашего микрорайона), а город и его улицы, которыми нам придется возвращаться, я знаю лучше.

В общем, мы бодро отправляемся в дорогу, и уже через час оказываемся на месте, где нас действительно встречает продавец "живого товара" с ухоженным пятнистым кабанчиком солидных размеров с толстой, обя-

занной вокруг почти неразличимой шеи веревкой. Заинтересованные стороны довольно быстро сходятся в цене (мне даже не приходится, как Кисе Воробьянинову в "Двенадцати стульях" надувать для солидности щеки), веревка налыгача вручается соседу, и мы, теперь уже втроем, двигаемся к подвесному (на сработанных стальных тросах от шахтного подъемника) мостику через речку, чтобы перебраться на ее противоположный берег. Пешеходный (на нем разминутся два-три человека) мостик с настилом из приваренных стальных листов и ограждающими перилами тоже из отслужившего срок рудничного троса, достаточно надежен, но при переходе через него (общей длиной до двадцати метров) ощутимо "играет", то есть несильно, но покачивается в такт шагам из стороны в сторону. На мостик со стороны гданцевского тротуара ведут три бетонных ступеньки, но когда мы с соседом, преодолев их, вступаем на колышущуюся твердь, благоприобретенный кабан вдруг неожиданно тормозит перед последней, отчаянно упираясь своими "ратыцями" в незыблемый бетон ступеней. Более того, он разворачивается задом к мостовому переходу, всем своим видом демонстрируя готовность умереть, но не сдвинуться с места. Не ожидавшие от покупки такого ослиного упрямства, "западенець" и "східняк"-одессит "теряем лицо", сосед пытается с помощью налыгача развернуть свиное отродье в нужном направлении, я с той же целью, пренебрегая ассистентским достоинством, пихаю его в "корму", — ноль внимания и фунт презрения, от моста — пожалуйста, на мост — только через "их" труп. Мы бьемся пять, десять, двадцать минут — никаких положительных результатов! Более того, вокруг начинает собираться толпа, одни от души веселятся, кое-кто свирепеет: им надо на ту сторону, а тут на проходе почти полуцирковой балаган! Чертов кабан слишком велик, чтобы перенести его на руках, в мешок, на всякий случай предусмотрительно захваченный соседом, он явно не влезет, тележки, типа той, в которой криворожане катают на свадьбах родителей невесты, если она оказывается не девушкой, у нас нет, как и носилок, так что если свиная обструкция затянется, мы и до ночи не попадем домой!

Приходится вынужденно спуститься со ступенек, освобождая проход для стремящихся на противоположный берег, и мы застываем в отчаянии, — в чем же тут закавыка, чертов кабан стремится в родные Палестины или же рассчитывает на автотранспорт?! Честно признаваясь, пишуший эти строки как-то уже видел на криворожской улице впечатляющую картину: послевоенную "Победу" с торчащим из окошка кабины, справа от водителя, самодовольным свиным рылом. Неясно, в какую копеечку

влетит такой эксперимент, и не откажется ли от легковушки или полторки наше привередливое сокровище?

Но тут из глубины сознания всплывают полузабытые слова из лекции ныне покойного П.А. Груше, читавшего нам в Ленинградском горном перед войной курс общей геологии, о том, что свинья, как и некоторые другие виды животных, "живой сейсмограф" и, в отличие от нас, грешных, обладает врожденной способностью ощущать самые незначительные, предшествующие землетрясениям тектонические колебания земной коры, соответственно ведя себя при этом. Это же ставит все на свои места, — наследственная генетика нашего боровка предостерегает его от зыбкого перехода через речку Ингулец, его защитная поза "задом наперед" должна и нас предупреждать о вероятности неведомого катаклизма. Я бегло излагаю ситуацию соседу, и мы меняем маршрут: уже без какого-либо сопротивления со стороны скотины мирно шествуем вдоль набережной туда, где в километре от висячего моста существует фундаментальный, на каменных быках-опорах автомобильно-пешеходный мостовой переход, против которого наш кабан не имеет ничего, так что мы благополучно добиремся до его нового места жительства без пинков в зад, а тем более палочных насилий над личностью, как и пребывания в связанном состоянии, в свое время осужденном И. Франком в его рассказе "Свинська конституція". Когда спустя несколько дней сосед все же режет кабана, я в этой процедуре участия уже не принимаю, — из Москвы от ВАК'а приходит аттестат на утверждение в ученом звании доцента КГРИ, и как таковому отныне надо соблюдать декорум.

Эпизод шестой. По-видимому, завершающий аккорд в свиной рапсодии имел место совсем недавно, будучи связан с деятельностью Одесской секции Всеукраинского общества истории, методологии, образования, науки и техники Министерства образования и науки Украины. Регулярные заседания этой организации, объединяющей научных работников, преимущественно вышедших на пенсию, проходят в одесском Доме ученых под председательством академика И.П. Зелинского, сменившего на этом посту четыре года тому назад ушедшего из жизни Р.О. Файтельберга. Круг интересов участников подобных собраний достаточно широк, включая и вопросы культуры, что привлекает также публику со стороны, как в случае отчетных концертов студентов и аспирантов Одесской консерватории, докладов о прошлом театральной жизни города или демонстрации любительских кинолент, посвященных, как и диапозитивы, историко-краеведческим или архитектурно-ознакомительным сюжетам.

Однако в серии докладов по проблемам геологии, истории, математики, химии и т.п. весной 2002 г. в стенах аристократического особняка на ул. Менделеева, 4 не просто возникла свиная проблема, но и была дополнена дегустационным священнодействием, на всю оставшуюся жизнь несомненно запомнившимся участникам.

Надо признаться, что в массе своей современный одессит за редким исключением (типа нашего земляка Б. Бурды, а если иметь в виду и россиян, то А. Макаревича с его "смаком", правда, скорее кулинаров, чем дегустаторов) плохо разбирается в тайнах дегустационного искусства, тем более что отечественная художественная литература XX-го века тоже как-то обходила этот вопрос (за исключением разве небольшого эссе Н Тихонова о судьбах двух невольных дегустаторов, — одного по вину, другого, — по сыру).

В нашем случае доктор наук, профессор и зав. кафедрой Одесского государственного университета Е.М. Агапова (вместе с которой на заседание пришли не только ее коллеги по вузу, но и директора нескольких крупнейших свиноводческих хозяйств области) сначала сделала обстоятельный доклад по теме "Эволюция свиней и перспективы свиноводства в 3-м тысячелетии", вызвавший оживленное обсуждение присутствующими, но затем в виде неожиданного сюрприза предложила последним принять участие в поставленной на академическую ногу дегустации бульонов и отварного мяса животных трех покуда анонимных свиных пород. Участники неожиданного "швайнфеста" (как называют немцы праздник поедания свежезабитой свиньи, кстати, вдохновенно воспетый Я. Гашеком в последних строках, увы, незаконченных "Приключений бравого солдата Швейка") получили на руки бланки анкет с перечнем вопросов о качестве подаваемых бульонов (цвет, прозрачность, аромат, вкус, наваристость и т.д.), а затем отварного мяса (по примерно тем же статьям плюс консистенция, прожевываемость и т.п.). Оценки опробованному выставлялись в пятибалльной шкале, анкеты возвращались, как неподписанными, так и, при желании, с указанием фамилии и специальности дегустирующего, а после компьютерной обработки (в ногу со временем!) присутствующим были сообщены названия трех пород свиней, принесенных в жертву науке, а также названа победительница конкурса.

Если добавить, что на следующем заседании секции (совпавшем с празднованием Дня Победы) на банкетный стол был выставлен начиненный кашей молочный поросенок (так сказать, пища богов, воспевавшаяся в основном писателями XIX века: пишущий эти строки сподобился ее отве-

дать, увы, только на девятом десятке), то следует признать, что хоть до Года Кабана по восточному календарю осталось еще 5 лет (2007 г.), трогательная инициатива коллег-аграрников не может не быть по достоинству оценена в наш не для всех, увы, достаточно сытый век.

Заканчивая на этой ноте настоящее эссе из категории произведений, охарактеризованных "Горем от ума" ("Взгляд и нечто. О чем бишь нечто? Обо всем"), автор не стесняется признаваться в известной симпатии к свиному племени, так или иначе соприкасавшемуся с его личной судьбой, — как утверждает одно действующее лицо из Швейковской эпопеи "Что было, то было, как-нибудь оно и было, никогда так не было, чтоб никак не было!". Но если пусть и один-единственный читатель, перелиставший настоящие страницы, хотя бы в душе разок-другой улыбнется, будем считать, что воспоминания оказались не напрасными, а свиньячья тема, рассматриваемая в историческом аспекте, где бывало всякое (вплоть до эпизоотии свиной чумы на Одессине в 70-е года, когда огнеметные команды выжигали даже почвенный покров на фермах с заболевшими животными), все-таки доказала свое право на существование и под черноморским небом.

